

Е Наньфэн не стал тратить слова на пустые разговоры, почувствовав, что они лишь загрязняют его уши и рот. Он лишь приказал Уго:

— Заткни ему рот, раздень догола, свяжи и выбрось на улицу.

Уго поклонился, сказав:

— Слушаюсь.

Он быстро подошёл к двум слугам, связал их и снял с них всю одежду, после чего унёс их в неизвестном направлении.

Е Наньфэн подошёл к Цинхэ.

— Всё в порядке?

Цинхэ, поддерживаемая своей служанкой, медленно поднялась. Её лицо было спокойным, она выглядела достойно и уверенно. Увидев Е Наньфэна, она улыбнулась, но случайно задела рану на губе, что вызвало у неё лёгкую неловкость.

— Простите, что вы стали свидетелем такого, господин. Со мной всё в порядке.

При свете луны Е Наньфэн увидел, что лица обеих женщин были покрыты синяками.

— Подойди сюда.

Цинхэ, не понимая, что он имеет в виду, всё же подошла, поддерживаемая служанкой.

Ранее, находясь в тени дерева, их раны были не так заметны, но теперь, увидев их, Е Наньфэн невольно нахмурился. Он понял, что его решение просто выбросить того человека на улицу было слишком мягким.

Он даже не подозревал, что из-за этого решения тот человек впоследствии боялся даже выходить из дома в столице.

Е Наньфэн, взглянув на служанку, которая всё это время опускала голову, наклонился и поднял маленький флакончик.

— Лучше я сам нанесу тебе мазь. Если ты сделаешь это позже, твоё лицо может так опухнуть, что станет непригодным для показа.

Цинхэ, услышав это, почувствовала ещё большее смущение, но промолчала.

Служанка, услышав это, поспешила вперёд, протянув руку, чтобы нанести мазь на лицо Цинхэ,

но прежде чем она успела что-то сказать, Е Наньфэн поднял руку, останавливая её.

Увидев, что лицо служанки тоже было в плачевном состоянии, он сказал:

— Твои раны тоже серьёзны, не стоит суетиться. Боюсь, что твои раны могут помешать тебе видеть. После того как я нанесу мазь на Цинхэ, ты сама нанеси её на своё лицо.

Служанка, услышав это, поспешила поклониться в знак благодарности, но Е Наньфэн быстро остановил её.

— Не стоит так усердствовать. Это поздний вечер, и я наношу мазь твоей госпоже, так что не загораживай свет.

Служанка, услышав это, снова покраснела.

Е Наньфэн тщательно обработал раны на лице Цинхэ. Маленький флакончик с мазью, который он использовал ранее для Е Наньмяня, теперь был наполовину пуст.

Цинхэ улыбнулась.

— Благодарю вас, господин, за спасение моей жизни. Я не знаю, как отплатить вам, и отныне готова служить вам по вашему усмотрению.

Е Наньфэн быстро остановил её попытку поклониться. Со стороны это выглядело так, будто Цинхэ сама бросилась в его объятия, а он с радостью обнял красавицу.

А в сочетании с постоянно опущенной головой служанки, это могло выглядеть как свидание влюблённой пары при лунном свете.

Е Наньфэн улыбнулся.

— Раз уж ты работаешь в Башне Цзинвэнь, я не могу остаться в стороне от этого дела. Поэтому не стоит заикливаться на сегодняшнем происшествии. Кто бы ни попытался тронуть Башню Цзинвэнь, я заставлю его пожалеть об этом. Вернись и залечи свои раны. В ближайшие дни не принимай гостей.

Цинхэ знала, что он не любит, когда люди постоянно кланяются, поэтому лишь тихо ответила:

— Слушаюсь.

После этого служанка нанесла мазь на своё лицо и передала флакончик Цинхэ, которая, в свою очередь, протянула его Е Наньфэну. Тот взглянул на него и сказал:

— Оставь его себе. Он, скорее всего, лучше того, что ты можешь купить на улице. Завтра я пришлю тебе ещё две коробки, этого должно хватить.

— Благодарю вас, господин. Но я вижу, что эта мазь, вероятно, ваша личная вещь. То, что вы дали её мне в экстренной ситуации, уже вызывает у меня огромную благодарность. Как я могу принимать от вас ещё что-то?

Е Наньфэн нахмурился.

— Просто возьми её. Я ношу её с собой, потому что мой младший брат страдает от укусов комаров летом. Лето уже почти закончилось, и в доме много таких мазей. Женщины всегда более внимательны к своему лицу.

Цинхэ, услышав это, тихо засмеялась, даже несмотря на то, что рана на губе давала о себе знать.

— Раньше, глядя на вас, я думала, что, хотя вы выглядите мягким, к вам трудно подступиться. Оказывается, я была глупа и невежественна. Благодарю вас за спасение и за мазь.

Цинхэ с изяществом поклонилась. Господин был человеком, которого трудно понять, обычно он говорил мало. Сегодня он сделал исключение и сказал так много, вероятно, потому, что подумал, что они со служанкой только что пережили шок, и было бы невежливо оставаться холодным и молчаливым. Раньше она видела, как мама чуть не падала на колени от его нескольких слов.

Эту доброту она запомнит в своём сердце.

Е Наньфэн, видя, что двум женщинам ночью может быть небезопасно, дождался возвращения Уго и велел им сесть в карету. Он и Уго выступили в роли кучеров, чтобы отвезти их обратно в Башню Цзинвэнь.

Е Наньфэн не знал, что, как только они уехали, из-за дерева неподалёку вышел человек с неопределённым выражением лица, который долго смотрел на удаляющуюся карету, не в силах оторвать взгляд.

Человек, прятаясь за деревом, был не кто иной, как Е Наньмянь, о котором только что говорил Е Наньфэн.

Случилось так, что брат одного из его друзей устроил сегодня вечером какой-то приём, и Е Наньмянь отправился туда с друзьями. На приёме он встретил Цай Вэня, с которым с радостью поговорил. В конце концов, они решили покинуть приём и отправились в ресторан, чтобы поесть и поговорить.

Если бы не чрезмерный контроль матери Цай Вэня, которая могла бы что-то сделать, если бы он вернулся домой слишком поздно, они могли бы говорить ещё долго.

После того как он проводил Цай Вэня, Е Наньмянь подумал, что, поскольку ресторан находится

недалеко от Башни Цзинвэнь, а он слишком много съел, он отослал кучера, оставив только Е Чэ, и решил пойти к своему брату, возможно, чтобы устроить ему сюрприз.

Он не ожидал, что это решение удивит не Е Наньфэна, а его самого.

Как только он подошёл, он увидел, как его брат даёт предназначенную для него мазь женщине, чтобы она нанесла её на лицо. При лунном свете ему показалось, что взгляд брата был настолько мягким, что он, казалось, хотел вобрать эту женщину в себя. Этот взгляд был невероятно нежным.

Более того, он увидел, как брат обнял эту женщину.

Е Наньмянь впервые увидел такой взгляд у брата, который был гораздо мягче, чем тот, что он бросал на Аньчжалину, и в нём было много того, чего раньше не было.

В этот момент он не знал, что его больше расстраивает: то, что брат отдал его личную мазь другой, или то, что брат никогда не смотрел на него таким взглядом.

В тот момент его ум был в хаосе, и он даже не осознавал, насколько кошмарной была эта мысль, и не понимал, почему она вообще возникла.

Он знал, что такой взгляд может быть только у мужчины, смотрящего на женщину, но в его сердце было невероятно неприятное чувство. Он хотел, чтобы брат сосредоточил всё своё внимание на нём.

В тот момент Е Наньмянь почувствовал гнев, который был на грани потери контроля, а затем последовала плотная волна паники, горечи, одиночества, обиды и других негативных эмоций. Его сердце было совершенно пустым, а ноги не могли твёрдо стоять на земле.

Он хотел выбежать и оттащить брата от этой женщины, заставить служанку, которая стояла без дела, нанести мазь на лицо женщины. Но, прежде чем он сделал шаг, он спросил себя: «С какой стати ты можешь требовать этого от своего брата? Разве он недостаточно хорош к тебе? Брат обычно холоден ко всем, а теперь он наконец нашёл женщину, которая ему нравится, а ты хочешь их разлучить? Неужели твоя совесть съедена собакой?»

Перед этими вопросами сердце Е Наньмяня, которое и так уже едва держалось, упало в какую-то бездну. Его нога, которая уже была готова сделать шаг, больше не могла подняться.

Раньше, когда он сталкивался с Аньчжалиной, у него хватало смелости злиться на неё. Но в этот раз он обнаружил, что его глаза словно вышли из-под контроля. Он просто смотрел на них, не моргая.

Он наблюдал, как брат наносил мазь на лицо женщины, как отдавал ей коробку с мазью, как

обнимал её, а затем осторожно отвозил её домой.

Всё это время он не мог заставить себя моргнуть, даже когда его глаза начали сохнуть. Он заставлял себя смотреть на всё это до конца.

<http://bllate.org/book/15521/1379750>